
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЦИИ

Леонид Ханбеков
(г. Москва)

СВОЙ ВЗГЛЯД
(Первое впечатление)

Думаю, помпезное телешоу «Выбери имя России» (2009), когда среди наиболее почитаемых в народе имен долгое время оставался Сталин, вызвало новый интерес столичных писателей-документалистов к этой исторической фигуре. Станислав Рыбас, Бенедикт Сарнов, Сергей Семанов...

Туляк Алексей Яшин, скажем так, припозднился со своим «Катехизисом идеалиста»*. Но, представляется мне, одиозный сарновский опус «Сталин и писатели» при всей натужной рекламе заранее запрограммирован на университетских филологов. Зацикленные на именах, успешно забытых современной литературной порослью, они напрасно педалируют интерес к ним, связывая с личностью вождя. Увы, не будь этого «соприкосновенья», о них и им, мистификаторам литературных судеб, и вспомнить-то было бы нечего.

Перегруженный широко известными и многократно препарированными отечественными и западными биографами рыбасовский труд, нет никакого сомнения, попадет, если не попал еще, в руки историков-талмудистов, тех, кто с разной степенью успеха ищет себя в изданиях его Биографического института и среди соискателей премии этого института. Исполать им!

Острополемичен, как всегда, Сергей Семанов. Из года в год едва ли не каждой своей работой он вызывает споры, дискуссии, столкновение мнений.

Но наибольший интерес, пусть и не сразу, не с первого захода, убежден, вызовет роман Алексея Яшина «Катехизис идеалиста» (Тула, библиотека журнала «Приокские зори», 2010) — роман-размышление, роман-исповедь. И вот почему: Яшин попытался в своем романе не говорить за Сталина, не описывать вождя с той или иной степенью достоверности или явного художественного вымысла, а предоставить слово ему самому.

И о толковании большевиками и меньшевиками теории Маркса об успешности перехода к социализму только в результате мировой революции, и о победе его, социализма, в отдельно взятой стране или группе стран; и об отношении к НЭПу; и о

* Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — М.: «Московский Парнас», 2010. — 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

коллективизации сельского хозяйства и индустриализации страны; и о всех перипетиях с попыткой империализма задушить республику Советов экономически; и о партийном строительстве; и о войне; и о соратниках, на которых, оказалось, невозможно оставить страну...

Смело? Но это исповедь не перед заезжими или доморощенными писаками, видевшими в нем, Сталине, властелина одной шестой планеты, вождя, решавшего судьбы народов и государств, а перед собой, человеком, прожившим большую и трудную жизнь, состарившимся и размышляющим: а во имя чего все, что было свершено? А кому можно вручить страну?

А, скажем, совершенно неожиданные размышления вождя об истинном зле, которое обрушили на послереволюционную Россию, будущий СССР, троцкисты во главе с Лейбой?

Не знаю, «додумывает» романист за своего героя или открывает нам, неучам и лентяям, доподлинный факт, но он, этот факт,— в характере героя, в логике его умозаключений, сопоставлений, действий.

«Куда ни кинь взгляд в истории — нынешней, прошлой и даже будущей, — всюду натыкаешься на сплетенные Иудушкой научьи сети,— размышляет его Сталин в одну из ночей, лежа в недомогании на даче.— Вот и с русскими философами, особенно космистами. Ведь именно он, паскуда, уговорил уже больного и не совсем понимающего в реалиях политической жизни Ильича организовать «философский парход». Грех некоторый на мне, не до философов было, текучка заела, тоже согласился тогда. Дескать, попутчиков малонадежных с возу — кобыле легче.

А вот еще в конце тридцатых и в конце сороковых все чаще стал вспоминать о том парходе. Ведь если двое из оставшихся в стране, да и то не из «громких» имен, так сказать, младшего поколения, — Циолковский и Вернадский — так много нам пользы принесли? Да-да, практической и научной пользы, не пустопорожного разглагольствования. Константин Эдуардович, будь он в двадцатые-тридцатые помоложе и не потеряй слух, да отбрось свою провинциальную скромность, будь настойчивее, боевитее, так опередил бы самого Вернера фон Брауна. И не немцы бы Лондон и Ковентри своими «фау» забрасывали, а мы — Берлин, Гамбург и Киль. (...)

...Не вышли Иудушка из страны цвет нашей философской, общественной, естественнонаучной мысли, так сейчас бы не пришлось содержать на повышенном жалованье эту орду бездельников, карьеристов и — подозреваю — скрытых троцкистов, угодливых, лицемерных, держащих кукиш в кармане. Презент, Деборин, Берг... По-фински прямолинейный Куусинен, хотя Отто Вильгельмович и хороший человек.

А наши философы, останься они в СССР, презирая в душе троцкистских выкормышей и дельцов от общественной и иной науки, составили бы здоровую, патристическую альтернативу марксизму. Не враждующую, — а как это у западников говорят? — конструктивную альтернативу. В конце концов и наш кондовый марксизм ума бы набрался у наших философов, и они бы «подтянулись» к диалектике. В итоге к сегодняшнему дню мы бы впервые в истории России-СССР имели бы философскую, естественно-философскую научно-практическую школу мирового уровня. Конечно, марксизм-ленинизм — самое передовое учение на планете, но... несколько однобокое.»

И вот это категорическое: *«Уважаю работающих, мыслящих и не лебезящих перед властью людей».*

Эту черту вождя в беседах со мной подчеркивал маршал Конев. Слышал я ее и из других уст — людей, кто не раз беседовал с вождем.

Порой трудно отличить, где заканчиваются размышления автора о текущем неостановимом времени, политической или экономической, военной и житейской ситуации, и начинается «мозговая атака» самого героя в связи с каким-то общественным явлением или событием в СССР, в Европе, в Америке, в связи с обнаружением про-

граммы того или иного правительства или установки его лидера, но это всегда продолжение «катехизиса идеалиста», который подобно капитану огромного лайнера вел страну через рифы неведомого, ориентируясь на свет ему одному ведомого маяка.

«Сложно сейчас фантазировать на тему: каким образом свершится в двадцать первом — двадцать втором веках этот всеобщий переход к единому мировому социальному государству,— размышляет герой романа.— Но вот как произойдет (не дай бог!) контрреволюция в СССР, как страна на достаточно длительное время уподобится Франции Луи-Филиппа после Ватерлоо — здесь ломать голову нечего.

Да и противники наши не скрывают методов разрушения СССР: не раз и не два перечитывал декларативные доктрину Алена Даллеса и директиву Совета национальной безопасности США. Хм-м, Лаврентий очень гордился: эти тексты сорок пятого и сорок восьмого года легли ему на стол еще до того, как с ними ознакомилось руководство США и сам президент. Умеем, если захотим, а хотим мы многого, — но все исключительно на благо страны.

Самое ужасное, или паскудное, скорее, состоит в том, что без железной руки, врагов, в том числе потенциальных, карающей, но преданных людей привечающей, к власти в стране подберется всякий сброд, который и упустит эту власть, прямо в руки врагу ее отдаст за понюшку махорки. Да им поможет это сделать и возвращенная врагом легальная агентура; она как плесневый гриб мигом наплодится.

Но главную роль, увы, сыграет сам наш народ. Даже не сам народ, а опосредованно через него вмиг возрожденный, доселе глубоко нами упрятанный, но возрожденный предателями при власти биологический атавизм — инстинкт частнособственничества. Против биологического инстинкта сложно устоять, если ему злонамеренно дают полную свободу. И он захлестнет всю страну с такой ужасающей быстротой и размахом, так заполнит души и головы до этого бескорыстных бывших советских людей, что даже насквозь торгашеский, частнособственнический Запад... да и Восток с ужасом и отвращением будет взирать на трагедию духа и воли 1/6 части земной суши».

Размышления героя и автора звучат в унисон, они порой абсолютно сливаются в своей лексической и эмоциональной окраске, в самом течении и аргументировании мысли.

Ну и кому от этого плохо?

«Науки юношей питают...» Жаль, что нынешнее педагогическое и библиотечное сословие очень быстро освоило закон рынка и подчинилось нахрапу рекламы. Очень не уверен в том, что, познакомясь первыми, как должно, оно станет рекомендовать подрастающему поколению, стремительно разучивающемуся читать и переходящему на интернет-общение, хотя бы попробовать осмыслить что-то из нашей недавней истории, когда мы в массе своей гордились своей страной и ее созидательной поступью, а не прикидывали, как бы поскорее улизнуть на Запад.

Алексей Третьяков

(г. Тула)

КОМПЛЕКС ВИНЫ И АУТОПСИХОАНАЛИЗ ХУДОЖНИКА. ПРИМЕР НИКОЛАЯ ЛЕСКОВА

Термин «бессознательное» (подсознательное, надсознательное...) введен был в широкую практику Фрейдом и его школой. Но суть, как понятно, не в терминологии, ибо явление неосознаваемой памяти замечено и осознано давно, едва ли не с тех пор, как человек стал догадываться о сложном характере своих чувствований. Общеизвестное и общепонятное фразеологическое выражение «засесть в печенке» и есть более ранний терминологический инвариант понятия бессознательного. Из истории русской литературы можно привести очень известный и весьма иллюстративный пример, показывающий как порой долго по времени и душевно болезненно происходит процесс вытеснения, своего рода аутопсихоаналитический сеанс длительностью почти в жизнь, причем вытеснение совершается через художественное самовыражение. Речь пойдет о много нашумевшей в начале 60-х годов прошлого века истории, случившейся с молодым еще тогда знаменитым писателем Николаем Семеновичем Лесковым, и повлекшая за собою несколько десятилетий негативного к нему отношению русской литературной общественности и едва не погубивший его талант непризнанием и ostracismом. История эта обстоятельно рассказана в воспоминаниях сына писателя.

28 мая 1862 года в Петербурге, в праздник «духова дня» при невыясненных обстоятельствах* загорелись два крупнейших рынка: Апраксин и Шукин дворы, пожар угрожает всей центральной части города. По доброму русскому обычаю, еще не потушив пожаров, уличные толки начинают доискиваться поджигателей, склоняясь что-де это поляки, либо «те, что в мягких шляпах, очках, да пледах ходят», то есть студенты, нигилисты.

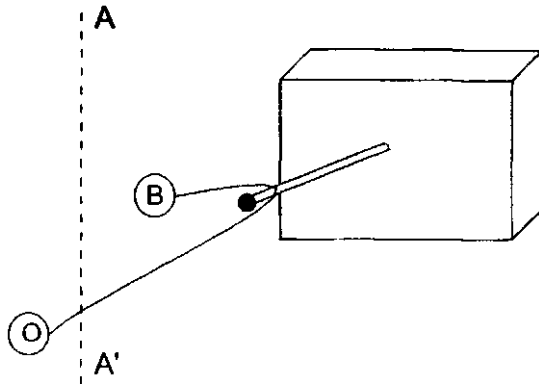
Непонятно почему, но солидная «Северная пчела» поручила написать передовицу по столь шекотливому делу молодому, горячему на слова и догадки Лескову. Передовица же получилась столь ожесточенной в своих обвинениях «политических демагогов» (читай: передовой интеллигенции, студенчества, нигилистов, вообще всех лиц с демократическим уклоном мышления), что даже Александр II впал в гнев и написал, прочитав газету: «Не следовало пропускать...».

Очень скоро, если не тотчас же, Лесков понял всю непоправимость случившегося, свою горячность и невыдержанность, черты характера, много попортившие ему в жизни. «Личные «терзательства» Лескова были беспредельны. Они «засели» у него «в печенях» на всю жизнь. Он положительно трепетал всегда при воспоминании о них. Это была незаживляемая, неослабно кровоточащая рана. Она была тем больнее, чем упорно почиталась им незаслуженной».

Перед нами пример глубоко засевшего в подсознании чувства вины и одновременно с этим — чувства несправедливости по отношению к нему. Причем это именно тот случай, когда полярные чувства вины и обиды, относящиеся к одному и тому же фактическому событию в жизни, стократ усиливают процесс торможения при по-

* Вполне понятно, что это была одна из махинаций, распространенных в купеческой среде.

пытках вытеснения. Действительно, как пишет сын писателя, слишком часто Лескову напоминали об этом, слишком часто он сам вспоминал, каждый раз при этом включалась активная память и мышление, но вытеснения не происходило. Такой случай трудности полного вытеснения полярных однофактных ассоциаций лучше всего иллюстрируется мимеографической моделью.

Представим, что на гвоздь, вбитый в стену, перекинута бечевка, к концам которой прикреплены два шарика: «В» и «О», длина нити такова, что за некую линию AA' можно вытянуть только один шарик, второй при этом всегда будет за линией. Если предположить, что пространство вправо от AA' есть область подсознательного, влево от AA' — активного сознания, В и О, соответственно комплексы однофактовой вины и обиды, а гвоздь в стене фиксация однофактовости, то получим модель описанного выше механизма возвратного вытеснения. В такой ситуации в процессе накопления числа циклов возвратного вытеснения энергетическая база подсознательной памяти соответственно уменьшается и в конце концов становится столь незначительно малой, что практически может считаться вытесненной. На модели это иллюстрируется растяжением постоянно и долгое время напряженной нити до состояния, когда оба шарика могут одновременно быть вытянутыми на линию AA'! (не исключен и случай полного вытягивания — обрыв нити, например, в результате сильного психического шока).

Два фактора, воздействуя одновременно, приближают момент почти полного вытеснения: психоаналитические откровения и время.

В случае с Лесковым психоаналитические откровения приняли весьма эффективную форму: творческое самовыражение. Действительно, уже через 20 лет после «поджигательной» передовой он пишет очерк «Обнищеванцы», где ничто не предвещает, ни сюжетом, ни тактической направленностью, что *«рассказ коснется в своем развитии уже хорошо забытых событий. Но Лескову забыть их не по силам. Может быть, и не без натяжки, не упускается случай осветить — был ли поджог, кого больше всех он обездолил и чьим интересам отвечал»*.

Ну, а время? Ведь говорят, что время лучшее лекарство для больной воспоминаниями памяти. Так оно и есть. В случаях же более простых психических травм (одна обида или одна вина, и пр.) одно лишь время может привести к полному вытеснению. Каждый это знает по себе, когда и огромное горе, и сильная обида, и гнев через сколько-то или вообще забывались, или вспоминались вполне равнодушно... и не снились зловещие сны на эти темы, тем самым доказывая, что вытеснение свершилось.

